

КРАТКИЙ ОБЗОР КАЛМЫЦКОЙ ПЕЧАТИ В ЭМИГРАЦИИ.

Народная поговорка - „нет худа без добра“ - в жизни калмыцкой эмиграции оправдалась в отношении ее печатного слова. Это, конечно, не значит, что печатное слово в калмыцкой эмиграции широко развилось и заложило прочный фундамент для национальной литературы, но однако и то скромное, что есть сейчас, нельзя зарегистрировать за трехсотлетнее пребывание калмыков в лоне Русского государства.

Тогда как за этот значительный срок в жизни калмыцкого народа нет ни одного собственного, периодического, или непериодического, печатного органа, издания, десятилетнее пребывание всего каких-нибудь тысячи калмыков в эмиграции, в условиях крайней бедноты, насчитывает несколько об'емистых книг и непериодических журналов, которые обусловили появление среди калмыков профессиональных работников прессы, каковой факт тоже надо отнести к новым явлениям в его жизни,

Само собой разумеется, эти факты надо отнести к прямым последствиям того, что волею судеб эта тысяча калмыков очутилась в условиях свободного духовно-морального развития, в которых не оказалось тех препятствий, создававшихся русскими, их административно-политическим гнетом, в течение 300 лет не дававшим калмыкам возможность собственную национальную печать, наряду с другими ограничениями национальной самостоятельности.

А отсутствие печати ведет к упрощению языка, что способствует атрофии общественной мысли, национального мозга, а последняя, в свою очередь, предопределяет исчезновение самой нации. Разумеется, это происходит не так, может быть, ступенно и не так скоро, не за жизнь одного возраста, но в срок, измеряемый сотнями лет, таковые этапы и конечный результат - неизбежны.

Придавая такое значение развитию национальной печати, разумеется, что мы не можем не отметить, как особое явление, то немногое и скромное, что создано в этом отношении немногочисленной калмыцкой интеллигенцией в эмиграции.

Первородство в калмыцкой эмигрантской печати принадлежит рукописному журналу „Обрат“, появившемуся в одном экземпляре в 1924 г. Инициаторами этого почина явились тогдашние калмыки-студенты: С. Степанов, Н. Маглинов и Э. Бурульдушов. Побудительной причиной, толкнувшей этих молодых людей на это начинание, явилось то обстоятельство, что в том году в жизни калмыцкого народа на Дону, произошло важное событие: его насильственно переселили в калмыцкую автономную Область, при чем, путем ведаческих давлений, вынуждалось у них подобие добровольного согласия на такое переселение. Это событие тогда живо обсуждалось и в эмиграции. И выпуск „Обрата“ именно этому вопросу, главным образом, отчасти, вопросу о калмыцком приюте, и посвящался.

От имени упомянутых трех студентов были посланы обращения к лицам, могущим принять участие. Собран достаточный материал, они предложили редакторство Д. И. Байновой, которая и согласилась. Однако, собранный материал оказался посвященным не только двум указанным вопросам, а вышел и с материалами безэстетического характера.

Номер этот в том же году, так сказать, выдержал второе издание: Э. Хара-Даваан на свои средства размножил его литографским способом в количестве 100 экз. и только тогда он распространился по калмыцким колониям. Помню, с каким волнением я его ожидал и с каким интересом я раскрывал этот первый калмыцкий журнал.

По главным темам, вызвавшим выпуск журнала, по вопросу о переселении, высказались: С. Байнов - за переселение и территориальное об'единение калмыков; Хара-Даваан - также; Мушлынов (тогда еще не совсем коммунист) - за об'едине-

, но путем переселения ставропольских казаков в донские; а, конечно, не объединение, но без разрыва с казачеством донских казаков; и пикнувший эти юрки - против территориального объединения и за сохранение связи с казачеством, как с активным, хорошим соседом, историческая связь с которым обязательна за донскими казаками возможность лучшего национально-правового положения, чем с другими. Другие материалы были безэстетического характера, большая часть ученические опыты, за исключением главы казачьей поэзии „Донгар“ в переводе Валновой. В подлинном экземпляре „Ойрата“ был и казачий текст. На этом одном номере журнала и так подробно остановился для того, чтобы отдать должное его первоиздателю, а во-вторых, для того, чтобы показать, что немногочисленная казачья эмигрантская интеллигенция, несмотря на то, что в этом же не все приняли участие (например, не участвовали В. Митанов, Н. Калинин и Э. Томасов), уже вполне была способна выдерживать национальную периодическую прессу.

Казалось, что опыт этот должен был заставить казачью интеллигенцию, хотя живших в Чехии в лучших материальных и моральных условиях, пользовавшихся широкой поддержкой местного правительства, ваяться за дальнейшее развитие периодической печати. Однако, этого не случилось, как оказалось, в это полезное и вторглись элементы качества человеческой души и больше „Ойрат“ не вышел за разлада по этому вопросу в среде „казачьей комиссии культурных Работников“, начинавшей тогда развивать свою работу. Материал, собранный для второго номера был сдан инициаторами в архив Казачьей комиссии.

А надо сказать, что момент, в смысле отношения народной массы к своей национальной печати, был весьма благоприятный: люди еще не были так морально подавлены, живее интересовались всем, что касалось его, все чего-то ждали, все в слове от представителей интеллигенции было выслушивалось, был у них бодрый дух, не было этого мертвящего пессимизма и отчаяния, которое царит сейчас в душах собратьев...

После „Ойрата“ в 1925 году появился в свет сборник казачьих народных сказок, песен, поговорок и легенд - „Хонко“ - издание Ю.Р. Книга была издава на казачьем языке (Зал-пандинское письмо) литографским способом. Мысль издания сборника народных песен, сказок и легенд, сама по себе была очень ценной, так как материал был собран довольно случайный, без тщательной проверки и узким кругом лиц, ценность материала несколько снижалась. Плюс к этому были помещены переводы с иностранного, что портит чистоту содержания.

В развитии народной мысли, массового самосознания, выпуск этой книги особого значения не имел потому, что лиц, читающих по казачьи не считывается в играции не более десятка человека - два человека, а кроме того для рядового члена содержание книги (песни и сказки), как материал для чтения, ничего нового не представлял. Все почти было известно. Но большая ценность подобного рода изданий обнаружится тогда, когда исчезнут современные поколения и явятся новые, незнакомые с образцами устного творчества своего народа.

Несмотря на то, что подобные издания мало находили живого отклика в казачьей эмиграции в смысле проявления интереса, Ю.Р. выпустила еще два номера „Хонко“, при чем, как по содержанию, так и по техническому совершенству, самыми ценными были номер 3-й - переизданный рукописный сборник, составленный еще в 1866 году покойным казачьим народным учителем Пургучи Болдыревым.

Помимо этих трех номеров „Хонко“ в издании Ю.Р. были: „Капитанская дочка“ - Пушкине; „История Приволжских казаков“ - проф. А. Мельникова, первая в переводе Д. Валновой, вторая - в переводе Н. Калинин; „Опыт грамматики казачьего разговорного языка“ - проф. В.И. Мотвица.

Указание издания надо отнести к самым ценным: первые два, как переводческие творчество двух видных членов Ю.Р. и при том, как вещи новые для казачьей народной массы; но, опять таки, будучи издавались на малодоступном ей архаичном казачьем письме, эти книги не могли сделаться предметами чтения в среде народа. Положение не спас и выпущеннейшей грамматикой казачьего язы-

на, так как она, будучи научно составленной, не могла служить, как самоучитель для рядового грамотея, предварительно не знакомого с русской или какой другой грамматикой и синтаксисом.

Кроме указанных издания, ИКАР выпустила: в 1927 г. 1-й номер журнала „Улан Залат“, в 1928 г. — № 2 и в 1930 году — 3-й номер. Первые два номера были изданы типографским способом, на русском языке с приложением некоторого количества материалов и на казахском языке, а третий номер был издан литографским способом, без казахского текста.

Как по внешнему виду, так и внутреннему содержанию (разнообразному и интересному) этот журнал удовлетворял всем требованиям современного периодического печатного органа.

Так как журнал этот явился органом надполитической организации, каковой является ИКАР, в составе коей уживаются люди различных политических убеждений, начиная от монархистов-абсолютистов — русского толка до самостоятельных вольноказачьей ориентации, то и „Улан Залат“ заполнялся материалами различных направлений.

Эта его политическая неопределенность, позволяя сотрудничать вместе почти всей казахской эмигрантской интеллигенции без различия партий, обрекала журнал на некоторую неустойчивость, не встречая со стороны сотрудников нужной для сохранения журнала жертвенной энергии. А когда уменьшились субсидии чешского правительства, прекращение журнала стало неизбежно, несмотря на значительное число членов организации, которые, при некоторой жертвенности, вполне могли бы, путем самообложения, сравнительно легко поддерживать удешевленное издание очередных номеров, как например 3-й.

Историки сказать, предвидение прекращения этого журнала и заставило политически объединенную группу казахков-националистов вольноказачьей ориентации начать издавать свой фракционный журнал на началах самообложения. Результатом их инициативы и является выходящий ныне 4-й номером за 2 года журнал „Юльдызные Волны“.

Первые два номера „УЗ“ вышли под редакцией Президента ИКАР, а к выходу 3-го номера была образована „Редакционная Комиссия“, которая сама реорганизовалась, распределив роли: шеф-редактор Уланов, члены редакции — Балнов, Ренделев, Николаев, Балинов.

В 1930 г., в издании этой же организации, вышел 1-й номер „Информации“, по содержанию своему аналогичный с вышеуказанными номерами „УЗ“, но без особенной к тому заботливости под иным названием.

Принимая во внимание совершенное отсутствие в жизни казахского народа за последние 300 лет надгробной деятельности (имею в виду светские издания, ибо духовно-религиозные издания были) и переписка указавшие названия, вышедшие за 4-5 лет эмиграции в деятельности ИКАР, нужно отметить историческую роль этой организации в деле создания казахской печати.

Но, как и во всяком деле, особенно в начале его, и в деятельности ИКАР были допущены неслучайные ошибки, которые, в порядке самокритики, в назидание будущему, необходимо зафиксировать, ибо не только положительные достижения в деятельности организации, но и ошибки, допущенные при этом, служат уроками для последующих работников.

При этом, я подчеркиваю слово „самокритика“, потому что, являясь членом этой организации и членом, позволившим, что называется, не мало пота в ее работе, допущение этих ошибок должен отнести и на себя, как и всякий рядовой член организации.

Главных ошибок в направлении нашей деятельности по ИКАР, по моему, было две:

I) не удетение достаточного внимания на издание периодической печати. При наличии полной материальной возможности и рабочих сил, мы могли бы регулярно поддерживать по крайней мере двух-месячный журнал по типу 3-го номера „УЗ“, если бы не увлеклись в лице наших руководителей, приобретенной не весьма необходимых в условиях нашей жизни и дорого стоящих книг, которых, при довольно

www.dan-kazak.ru
бессистемном приобретении, нашедшем около 2000 томов и за сумму 60.000 брн. Такая огромная сумма уложена на приобретение книг, использованных в нашей работе, а главное, рано или поздно, подлежащих возвращению чехам, как настоящим хозяевам.

При должной оценке значения периодической печати в деле развития сознания массы, в деле проведения того или иного направления массового воспитания, а главное — в деле развития интеллигентских сил в работе в национальной прессе и их политического воспитания, при правильном использовании отпущенных средств, можно было за это время, поставить нашу национальную периодическую прессу на твердые ноги, приучив, втянув в чтение ее всю нашу грамотную массу, сделать свою печать необходимой потребностью читателя-каляки.

И теперь, даже по прекращении чешской субсидии, если масса была бы приучена к регулярному чтению своего печатного органа, она могла бы поддерживать ее издание подпиской. Само собой разумеется, издаваем только 3-х номеров „УЗ“ за 7 лет деятельности К.М.Р не могла этого достигнуть; при имеющихся средствах это и не было достаточно.

Накопление же на такую значительную сумму книг, при наличии в Праге достаточного количества и русских и чешских библиотек (для учащихся — школьные, для взрослых — публичные), явилось излишней тратой средств и библиотека наша служила большей частью для домашнего пользования и имела значение декоративно-морального характера.

И, конечно, не говоря, что ее не пользовались; раз библиотека есть, читатели всегда найдутся. Пользовались книгами и нашей библиотеки, даже посылались они для чтения и за границу, но это небольшое удовольствие обходилось слишком дорого. Я не говорю также о значении книги вообще, а говорю только, что можно было обойтись и без библиотеки, при наличии таковых в Праге.

2-я наша ошибка, это — безнадежная борьба за старый калыцкий калыцкий шрифт (Зая-пандитовское письмо). Борьба эта со стороны К.М.Р была просто упорством, нежеланием считаться с создавшимся фактически положением вещей в жизни и, в упорстве своем, нежеланием считаться с бесполезной тратой сил, средств и времени, при явной спротивности — и тех, и других, и третьих.

Дело в этом отношении обстоит так: калыки, как народ, с незапамятных времен имевший свою грамоту, на которой, еще в пору своего свободного развития, успели заложить первые основы своей письменной литературы, пользовались своим особым, своеобразно красивым, но для нашей эпохи — убыстренных темпов — несколько отсталым шрифтом. Шрифт этот по немногочисленности знаков, однако, вполне соответствующих звуковым требованиям нашей речи, вполне удовлетворителен, если не считать некоторых неудобств, как например, перпендикулярного роста письма, замедляющего темп писания и необходимости особой вывертки калыков при более широком, деловом пользовании национальным письмом и языком.

Но есть одно обстоятельство, с которым нельзя не считаться: в результате 300 летней моральной неволи во внутри-русских политических условиях в отношении национальностей, шрифт этот фактически невольно заброшен нашим народом вследствие полного отсутствия применения в жизни. Едва-ли сейчас можно найти 2% среди наших современных собратьев, которые могли читать и писать на этом шрифте, тогда как грамотность русских алфавитом, например среди донских калыков, достигала в последние годы больше 70% годового призыва.

Таким образом, книги, изданные в эмиграции на калыцком шрифте, могли быть доступными десятку-два человеку. При таком положении, эти издания безусловно приходится рассматривать, как труд, не достигающий цели всякой литературы — развития массовой мысли, сознания. И курьезно то, что этот шрифт наиболее яр задницается именно теми членами общины, которые отрицают право калыцкого народа на государственное самоуправление своей жизни. Спрашивается: зачем нам трудиться над воскрешением заброшенного шрифта, если все свои духовные и физические проявления предоставляем на усмотрение и благоволение русского народа?

статьи, при одиго я вспомнил, как пишущий эти строки, будучи еще во Франции, види нечитаемость среди калыцков „Хонхо“ и, искренно скорбя за работников, забывших его, написал руководителю КМР письмо с выражением своего мнения — относительно необходимости перехода на академическую транскрипцию, если только интересно, чтобы издания Комиссии читались нашим народом. Получил за это горячую отповедь и порицание в незнании своего письма. По приезде своем в Чехию, я научился читать и писать (и не какнибудь), приложил свою руку ко всем изданиям Комиссии, целиком написал все графатку проф. Потвича, как Валинов целиком написал „Историю“ проф. Пальмова, а через руки нас обок прошли все издания, но, тем не менее, я остался на призывании бесполезности борьбы за старый калыцкий шрифт.

Интересно отметить, что среди почти 20 человек членов КМР, умеющих писать и читать на этом шрифте всего 7 человек. При таком положении, издания КМР на калыцком языке иначе не приходится рассматривать, как желание задержать оригинальность во вне, без связи с необходимостью влияния на массу.

В результате этого, когда мы убивали время, деньги и силы на издания нечитаемых книг, народная масса нашей эмиграции вот уже десять лет сидит без духовной пищи, без морального руководства, без живого, родного слова, которое они могли слышать от своих, более культурных собратьев, если последние преподавали бы свои мысли на тех знаках письма, которые им знакомы.

Случилось это от того, что руководящие деятельностью КМР лица придали чрезмерное значение шрифту, приравнивая, например, потерю национального шрифта — потере национального языка. В действительности не это совсем не так. Приравнивать значение народного языка с значением шрифта можно только при значительном увлечении словами. Язык, как всякому ясно, нечто неотъемлемое с понятием национальной особенности; потерять язык — значит уже раствориться в составе другого народа, тогда как, народ существует и совсем без шрифта, без всяких форм и знаков письма.

Оглядываясь на окружающую нас действительность, мы видим, что не мало народов меняют неудобные формы письма на более удобные и, при том, совсем не думают терять ни свой язык, ни свои национальные особенности. Так, например, Турция на наших глазах забросила свой столетиями существовавший шрифт, на котором создана значительная литература и закреплены всякие другие виды искусства; собираются менять шрифт и японцы и китайцы. И это совершенно правильно, ибо шрифт — ничто иное, как те или иные значки, как-то изобретенные для закрепления слов, а через них и мысли, на бумаге для распространения их. И вали не эти значки, какими для этой цели пользовались, а сами мысли. Поэтому значки эти должны первым делом удовлетворять следующие основные требования: легкости и удобству писания, печатания, быть легко усваиваемыми народом, т.е. общедоступными. С этой точки зрения, хорошо это или худо, калыцкому народу следовало бы общедоступным и получить широкое распространение русский алфавит. Заучивание значений этого алфавита не противоречит калыцким звукам, а некоторые недостатки можно, как это и делают, исправить при помощи незначительных уточнений.

Переходя на этот шрифт мы достигаем двух выгод: во-первых, приобретаем удобство для издания журналов и книг, а во-вторых, одним броском во три сотни раз увеличиваем число людей, могущих читать на своем языке творчество калыцких литераторов и приобщаться к мысли своим передовых людей.

С этой точки зрения мы решительно осуждаем переход в Калыцкой Автономной Области на латиницу, ибо, если калыцкий алфавит знаком малому количеству лиц, то не большому количеству известен, вероятно, и латиница.

Положение вещей среди нашего народа в СССР в этом отношении таково: с первых же дней большевистской власти калыцки перешли на русский шрифт, с этого (1930) года перешли на латиницу.

Таким образом, постолько-поскольку мы не желаем быть в отношении письма в расхождении с нашей главной массой и, если латиница эта, вопреки нашей жела-

низ, продержит ся, скажем, еще 10-20 лет, то, разумеется, в эти годы нужно учиться и развивать нашу печать на этом профте.

Бесконечно много, конечно, выдвинуто делами и делами большевики, много несчастных наших братьев они губят, но они создали хороший прецедент для будущего тем, что дали нашему народу печаль на нашем языке. Правда, язык этот, пока, убогий, искаженный, но это зависит от угнетения самих работников печати.

Указывая на эти две ошибки в деятельности КалР, я ни в коей мере не желал умалять ценность работы этой организации, членом которой и являясь и ныне. Я лишь хочу указать этим, что если бы не были допущены эти ошибки, деятельность нашей комиссии имела бы еще более действительные результаты.

В общественно-политической, все равно и просто культурной работе, прежде всего должна быть ясно намечена цель и выбраны средства для достижения этой цели. Несоблюдение этих условий часто заставляет людей работать впустую. В этом смысле констатирование ошибок прошлого позволяет избегать их в будущем. Тем более это важно для калыцкой интеллигенции, перед которой производится задача одна важнее другой.

Бесстороннее обсуждение всех предпринимаемых шагов в коллективной работе, уделение должного внимания мнению и мысли каждого члена этого коллектива, умение уверить при этом присущие всем чувства самолюбия и властолюбия, умение руководить, братски направлять, составляет в культурной коллективной работе необходимое условие. В деятельности КалР, в этом отношении, были погрешности и положение оставляло желать лучшего.

Само собой разумеется, что указывая на эти частичные ошибки в деятельности КалР, я совершенно не затрагивал той ценнейшей работы, проделанной ею в соби- рании и пополнении калыцких культурных сил в эмиграции. Эта часть не отно- сится к теме настоящей заметки, о ней мы будем иметь случай поведать калыц- кому народу в своем месте и она того заслуживает.

Появление литографированного журнала „Новыльке Волны“ - органа калыц- кой политической группы „Хальмак Тангечин Туг“, т.е. журнала проповедующего определенное решение национально-политической проблемы возрождения народа - новая страница в жизни калыцкого народа.

Мы, его создатели и издатели, конечно, воздержимся от самооценки нашего орга- на. Думаем, что историку калыцкой эмигрантской прессы, если только он будет, как говорится „беспристрастным историком“, придется разбирать „Нов. Волны“ в свое время. Я только должен указать, что „К. В.“ недаром на членские взносы членов редакции, а их - буквально два-три человека, а материальное состояние их одина- ковое со всеми и, тем не менее, мы выпускаем за два неполных года 4-й номер. Это и дает мне повод говорить, что организация, не объединенная единством по- литического убеждения ее членов, не дееспособна. Такая организация способна что-то делать, пока кто-то даст со стороны средства, а коль скоро эти поступле- ния прекратились или, еще хуже, если потребовалось тратить хоть копейку на своих карманах, то работа прекращается.

Подаром наука о законах человеческого общества, о культуре или цивилизации человечества - социология - учит, что „сила человеческого объединения в общест- ве зависит от остроты тех потребностей, ради удовлетворения которых люди вошли в общество. Чем эти потребности важнее для человека, тем связь между членами общества и прочнее и крепче“. Иными словами, чем важнее и жизненно необ- ходимее преследуемая данным обществом цель, тем члены этого общества сильнее и энергичнее в своей работе.

Судьба „Улан Залата“, преследовавшего неясные, растяжимые цели и „Новыль- ных Волн“, именно перед собой ясную и определенную цель - пропаганду и за- щиту национально-политической идеи - разительный тому пример.

Говоря о калыцкой эмигрантской прессе, нельзя не упомянуть о казачьем жур- нале - „Большое Казачество“. Справедливость требует сказать, что по числу стра- ниц, заполненных материалами по калыцкому вопросу, из калыцкой жизни - беллетри- стического, публицистического и информационного характера, написанные калыцкими

же, безусловно этот журнал превосходит не только доселе существовавшие казачьи периодические печатные органы, но и собственно казачьи.

Достаточно указать, что из 97 до сих пор вышедших номеров этого журнала в 77-ми номерах встречаются перечисленного характера материалы. В этом отношении роль „ВК“, как в саморазвитии работников казачьей периодической печати, так и в популяризации казачьей национальной идеологии предстает исключительной.

Подводить окончательный итог этой роли „ВК“ еще рано, ибо журнал этот продолжает выходить, указанная работа продолжается.

Особое место в перечне казачьей эмигрантской литературы занимает книга казачка Д-ра Хара-Давана — „Чингис-Хан, как полководец и его наследие“. Книга эта, будучи солидно изданной, тщательно, на основании многих новых источников и ценных архивных материалов составленной, легко и стройно написанной, представляет ценное чтение не только для казачко-монголов наших, но и для специалистов по истории востоковедения вообще. Нужна полемика, поднятая по поводу этой книги в русской эмигрантской печати всех направлений, оживленная переписка отдельных специалистов, докладов, устраивавшихся по содержанию этой книги (например, у евразийцев) — вполне определенно все и значение этого труда.

Для казачков она является исключительно интересной. К созданию, в оживленную переписку по поводу этой книги анекдотически, но в то же время прутенным аккордом, ворвался отклик двух казачков (Шарапова Вадима и Бомбекова Самуила — имена их заслуживают быть отмеченными, как образцы высокой степени потери национального сознания), которые составили против этой книги постыднейший „протест“, где утверждалось, что казачки ничего общего с Чингис-Ханом, следовательно и с монголами не имеют и иметь не желают и собрали под свой исторический протест подписи всеи нам известных, совершенно малограмотных или даже вовсе неграмотных казачков в числе 12 человек.

Добавить, что этот глупый документ нашел себе место на страницах серьезной русской эмигрантской печати, да еще с одобрительными комментариями. Книга от этого ценности не утратила, а случай этого протеста не перестает упоминаться в устах всех сознательных казачков, как акт величайшей глупости (специальное осуждение ИИИР в „Информации“, статьи И. Валинова, Уч. Алексеева и др.).

На этом, пока, свой краткий обзор кончу; надеюсь, что в дальнейшем буду иметь еще случаи регистрировать еще и другие готовящиеся издания. Так, например, пишущий эти строки имеет в голове неотступную мысль видеть свой сборник рассказов и повестей из казачьей жизни отдельными книгами; И. Валинов — свой сборник статей, помимо уже частями изданной работы по истории Казачества; Д-р Д. Н. Вязнова имеет много переводов с русского на казачий и наоборот, из казачьих материалов „Джангар“, переведенный на русский язык и во должен иметь успех и вызвать интерес; у нее не имеется написанные исторические пьесы из казачьей жизни; пользуюсь случаем высказать свой дружеский совет авторше, что все переводы с русского на казачий нужно издавать на кириллице, академической транскрипции, ибо только в таком случае, они будут прочтены казачками и должны способствовать достижению одной важной задачи казачьей интеллигенции — вызвать у наших братьев охоту и вкус к чтению вообще.

Помимо указанных, готовящихся материалов, Д-р Хара-Даван готовит к печати труд „О кочевом быте“ и Д-р В. Уласов — книгу о донских казачках.

Принимая во внимание все это, хочется верить, что фундамент казачьей прессы, казачьей книги уже заложен и рано или поздно будет воздвигнут и самый дом — национальная литература. Каждый по силам и средствам должен помнить свой долг и принять в этом участие.